

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2026.3.51.3

УДК 314.7.044 | ББК 60.54

© Каргаполова Е.В., Диканова А.С.

МИГРАНТ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА КАРГАПОВА

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: k474671@list.ru

ORCID: [0000-0002-2892-3953](#); ResearcherID: [O-6734-2017](#)

АРИНА СЕРГЕЕВНА ДИКАНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Российская Федерация

e-mail: arina.dikanova@mail.ru

ORCID: [0009-0006-6205-9018](#)

Социокультурное пространство современности эволюционирует в направлении усложнения, дифференциации, противоречивости, нарастания динамизма. Одним из факторов трансформации пространства являются миграционные процессы. При этом столичный мегаполис Москва представляет собой сложный организм, в котором миграционные потоки могут создавать дополнительные напряжения социокультурного пространства по оси координат «свой – чужой». Целью данного исследования является анализ социокультурного пространства столицы России сквозь призму дифференциации ее жителей по миграционному статусу. На основе результатов конкретного социологического исследования методом анкетирования по Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» проведен сравнительный анализ профиля территориально-поселенческой идентичности, кругов взаимопонимания, жизненных приоритетов, ценностных ориентаций трех групп жителей Москвы: коренных москвичей, внутренних и внешних мигрантов. Результаты исследования выявили существенные различия в характере включенности в социокультурное пространство мегаполиса. Коренные москвичи демонстрируют выраженную локальную идентичность, ограниченные социальные связи и индивидуалистическую направленность. Для внутренних мигрантов характерны прагматичные установки, ориентация на трудовую сферу и материальное благополучие

при слабой локальной идентичности. Внешние мигранты обладают множественной идентичностью и развитой системой этноконфессиональных и семейных связей, определяющих коллективистский характер их ценностных ориентаций. Таким образом, миграционный статус является значимым фактором дифференциации социокультурного пространства Москвы по таким индикаторам, как идентификационные стратегии, межличностные сети взаимопонимания и ценностные ориентиры респондентов. Результаты исследования имеют прикладную значимость, так как могут быть полезны органам власти при разработке адресных управленческих решений, связанных с интеграцией социокультурного пространства столицы по миграционному статусу жителей.

Мигрант, миграция, социокультурное пространство, мегаполис, столичный мегаполис.

Введение

Современный мир характеризуется усложнением процессов социальных взаимодействий и, как следствие, нарастающей сложностью процессов адаптации к стремительным изменениям, происходящим под воздействием технологий, перманентного реформирования и геополитических вызовов. Социокультурное пространство дифференцируется в жесткой оппозиции «свой – чужой», одним из проявлений которой может стать разделение «коренное население – пришлый, приезжий, мигрант». На наш взгляд, идеалом человеческого общежития являются координаты «свой – свой (родной, близкий)», а похожая к биогенной норме – система «свой – другой», основанная на стремлении к благополучию, взаимопонимании, терпимости, взаимном уважении «своих» и «других».

Условия военных действий могут привести к быстрой смене статуса коренного жителя на беженца, мигранта. Стремительное увеличение виртуальных пространств влечет за собой присвоение статуса «мигранта» (номада, туриста) посетителю сайта, новичка в сетевых общностях, виртуальных «вселенных». То есть статусные позиции коренного жителя и пришлого (мигранта) становятся такими же подвижными, неустойчивыми и размытыми, как и многие другие формы в условиях цифровизации и кризиса традиционных социальных институтов – семьи, образования и т. п. Таким образом, нарастание скорости изменений расширяет смысловое содержание понятия «миграция», которое может пониматься не только как физическое

перемещение в реальном социальном пространстве, но и «путешествие» в бесчисленном множестве виртуальных сред при недостаточном освоении пространства реального мира вследствие атомизации, утраты глубины социальных отношений.

Данные процессы особенно сложно и динамично протекают в социокультурном пространстве мегаполисов. Исключительная миссия в этой ситуации у столичных мегаполисов. С одной стороны, они являются точкой притяжения по открывающимся возможностям для мигрантов, что может приводить к социокультурной дифференциации населения по миграционному статусу, росту конфликтности, трудностям управления. С другой, столица не только является центром деловой активности и финансового капитала, но и реализует его духовную функцию сосредоточия производства знания, лучших образовательных и социальных практик, консолидации пространства страны. Нарастание оппозиции «свой – чужой» внутри территории столичного города не способствует реализации данной функции. В свою очередь консолидация особенно необходима в ситуации нарастания геополитического противостояния и острых вызовов, поэтому актуализируется анализ состояния социокультурного пространства столичного мегаполиса (степени его связности, наличия дистанций) в зависимости от миграционного статуса населения.

Москва является одним из самых крупных в России центров миграции. По данным Росстата, численность населения столицы увеличилась с 8911 тыс. чел. в 1991 году до

13149,8 тыс. чел. в 2023 году. Показатели изменения численности населения превышали значения естественного прироста, которые все последние десятилетия, за редким исключением, фиксировались в зоне отрицательных значений. Это подчеркивает роль миграции в демографической ситуации столицы России. Пики значений миграционного прироста в постсоветской Москве приходятся на период 2010–2015 гг. и составляют 141 и 138 чел. на 10000 чел. населения соответственно. Даже в 2020 (ковидном) году миграционный прирост составил 44 чел., в 2021 году – 60 чел., в 2022 году – 71 чел., в 2023 году – 31 чел. на 10000 чел. населения, тогда как в этом же году данный показатель в среднем по России 14 чел. на 10000 чел. населения; в среднем по ЦФО – 30 чел. на 10000 чел. населения¹. В 2023 году миграция в пределах мегаполиса фиксируется 19,3% от общего числа прибывших, 72,6% – из других регионов России, 8,1% – из-за пределов России, других стран².

Мигрант: социологический анализ

Одним из ключевых направлений в исследовании социальных характеристик мигрантов является теория многоуровневой гражданственности, согласно которой принадлежность к сообществу определяется не только юридически, но и символически – через признание, легитимность и доступ к правам. Важным аспектом является то, что данный статус характеризуется равнодушием к собственной культуре; ему также свойственен новый нomaдизм: «нигде и никогда он не чувствует себя дома (или „как дома“» (Баньковская, 2006, с. 125).

Статус «местного» может означать культурное преимущество, лучший доступ к ресурсам и институциональной защите. Исследование возникающего в данных условиях разрыва между местными жителями и приезжими (включая как внутренних, так и внешних мигрантов) предполагает применение положений теорий социального капитала, позволяющих объяснить различия в социальных связях, уровне

доверия, а также возможностей адаптации. Социальный капитал как «обладание устойчивой сетью (durable networks) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания ... членство в группе» (Бурдые, 2002, с. 66) может, во-первых, выступать фактором миграции. Так, анализ деревень Таиланда свидетельствует о прямой связи между качеством и разнообразием социальных сетей с вероятностью внутренней миграции (Garip, 2008). Во-вторых, связывающий (инклюзивный) и соединяющий (эксклюзивный) типы социального капитала могут оказывать разное влияние на качество и скорость интеграции мигрантов в принимающее городское пространство (Putnam, 2000). Если первый способствует укреплению идентичности и сплоченности внутри однородных групп, тем самым оказывая мигрантам поддержку на ранних этапах миграции (помогает найти жилье, работу, преодолеть языковой барьер), то второй ориентирован на внешний круг и объединяет межгрупповые, более широкие сети, тем самым способствуя дальнейшей адаптации мигрантов, обеспечению качественной занятости и улучшению статуса в принимаемом обществе. Исследование влияния социального капитала на интеграцию мигрантов в Китае показало, что «соединяющий социальный капитал положительно коррелирует с социальной интеграцией, а относительная депривация играет роль посредника между ними. Напротив, связывающий социальный капитал отрицательно коррелирует с социальной интеграцией, а привязанность к родному городу смягчает эту взаимосвязь». (Zhang et al., 2024) Необходимо подчеркнуть, что наличие социальных сетей влияет не только на мотивацию и возможность миграции, но и на ее результативность посредством снижения как транзакционных издержек, так и риска «переквалификации» (overqualification) (Klug, Kracke, 2021).

¹ За счет Московской области, миграционный приток в которую в последние годы значительно превышает приток в Москву и в 2023 году составил 94 чел. на 10000 чел. населения.

² Источник данных статистической информации: Регионы России: социально-экономические показатели (2002); Регионы России: социально-экономические показатели (2024).

К теоретическому осмыслению вопросов интеграции и включенности мигрантов в локальное сообщество также применима концепция социальной дистанции Э.С. Богардуса, предполагающая использование психологической шкалы степени готовности представителей одной группы принимать членов другой группы в качестве носителей различных социальных ролей (Wark, Galliher, 2007). Сформулированный исследователем перечень вопросов позволяет выявить неформальные барьеры включения, существующие между коренным населением и «пришлыми» независимо от формального статуса. Высокая социальная дистанция может свидетельствовать о культурной изоляции мигрантов, ограничении доступа к ресурсам и стереотипизации. Таким образом, социальная дистанция становится важным индикатором символического включения в городской социум или исключения из него. Результаты исследования социальной дистанции между различными этническими группами посредством адаптированной формы шкалы Богардуса показали, что миграционный опыт «оказывает наиболее существенное влияние на демонстрируемую социальную дистанцию» (Kuzmin et al., 2015, p. 15).

Положения рассмотренных выше концепций дополняются теориями миграционных сетей, в которых подчеркивается значение устойчивых горизонтальных связей, формируемых посредством создания цепочной миграции – самоподдерживающейся модели подготовки более легких путей одними мигрантами для последующих, облегчающих или затрудняющих включение приезжих в городскую среду (Massey, 1988). Сети имеют свойство выходить из-под влияния миграционных потоков, становясь самостоятельными участниками переселенческих процессов, что является следствием, во-первых, оформления сети в самостоятельную социальную структуру, снижающую издержки переезда, во-вторых, результатом восприятия домохозяйствами стран-отправителей миграции в качестве инвестиции в устойчивое экономическое положение

в контексте модели диверсификации рисков (Light et al., 1989).

Анализ значительно детерминированной деятельностью социальных институтов характеристик мигранта требует применения неоинституционального подхода, интерпретирующего внешнюю миграцию «как один из сравнительно автономных фрагментов социальной реальности, образованных стабильными структурами восприятия и действий, которые проявляются на уровне институционализированных и неформальных правил» (Шкрабтак и др., 2021, с. 27). Таким образом, миграцию можно понимать не как исключительно индивидуальный акт, а как процесс, протекающий в определенных институциональных условиях, задающих рамки возможностей и ограничений. Социальные институты в принимающем сообществе создают асимметрию в доступе к ресурсам и символическому признанию между различными группами, в том числе коренным населением и мигрантами. «Различия в условиях интеграции включают институциональные механизмы в области образования, рынка труда, жилья, религии и законодательства. Различия в социальном и политическом контексте особенно важны для социального и культурного участия и принадлежности» (Schneider, Crul, 2010, p. 1249). Такой подход позволяет учитывать не только индивидуальные стратегии, но и структурные рамки, в которых они реализуются посредством фокуса не на личных мотивах мигрантов, а на вопросе инклюзивности институтов принимающего сообщества.

Важно отметить, что на основании рассмотренных теорий возможно интерпретировать эмпирические данные как отражение структурной, сетевой и символической логики различий между местными и приезжими, расширяя предметное поле анализа за пределы демографических или поведенческих характеристик.

Мигрант в мегаполисе

Социокультурное пространство города характеризуется определенными особенностями, которые также оказывают влияние на статусные позиции его жителей, в том чис-

ле мигрантов. Так, Ф. Энгельс писал о свойственной большому городу ограниченном эгоизме и обособленности каждого: «этот мир атомов достигает здесь своего апогея» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 264). Описанные Ф. Энгельсом характеристики большого города легли в основу теоретических воззрений классиков формальной школы социологии (Г. Зиммель, Ф. Теннис), а также представителей чикагской социологической школы (Вальдес Одриосола, 2014).

Описывая особенности восприятия окружающей среды жителями большого города, Г. Зиммель подчеркивал большое количество сознания, затраты которого требует от нас большой город, как следствие крайней формализации и инструментализации социальных отношений (Зиммель, 2002, с. 2). «Арифметический» характер жизни в совокупности с большими расстояниями требует от жителей четкой организации деятельности, состоящей из массы людей со столь дифференцированными интересами, не опуститься к хаосу и вместе с базированностью (неспособностью человека со свойственной нервам энергией реагировать на новые раздражения, возникающие вследствие количества получаемых впечатлений в короткий промежуток времени) среды ведет к бесчувственному равнодушию жителей большого города (Зиммель, 2002, с. 4.)

Ф. Теннис вслед за коллегой подчеркивал антагонистичность отношений в больших городах, приводящую к «раздвоению „города“, к расщеплению его собственного тела» (Теннис, 2002, с. 371). Он также писал об упадке семьи в крупном, столичном и тем более мировом городе, когда интересы выгоднее рассредоточивать во внешнем пространстве, а не в узком кругу, а понятие «своего» и «чужого» появляется вследствие установления отношений, «диктуемых всего лишь интересом, с большей или меньшей легкостью расторгимых взаимодоговоренностей независимых друг от друга контрагентов» (Теннис, 2002, с. 374). По мере продолжительности оказываемого крупным городом влияния семейные связи постепенно становятся пережитками прошлого.

В трудах Р. Парка город за счет аномальности присущих ему типов людей понимается в первую очередь как «социальная лаборатория», позволяющая рассмотреть «в преувеличенном виде добро и зло в человеческой природе» (Парк, 2011, с. 56). Социолог рассматривает город с точки зрения наличия в нем биологического уровня, а также в контексте концепции человеческой экологии, предполагающей «исследование отношений между людьми, определяемых помимо прочего средой их обитания» (Луков, Тихомиров, 2019, с. 95). Одной из первостепенных тем социологии Р. Парка было изучение роли социального контроля в организации человеческой деятельности и трансформации по итогам данного контроля коллективного в социальное. Таким образом, город в представлении основоположника Чикагской школы – это сложная экологическая система, где социальные группы распределяются по пространству не случайно, а в зависимости от конкуренции за ресурсы и статусы. Это создает особую среду, отличную от деревни или малых сообществ.

Рассматривая развитие города не столько с точки зрения физического расширения территории, сколько с позиции усложнения социальных отношений и трансформации норм, Р. Парк и Э. Берджес характеризовали данный процесс как социальную эволюцию, в контексте которой «город – это не просто физический механизм и искусственное сооружение. Он вовлечен в жизненные процессы людей, которые его населяют; это продукт природы, и, в частности, человеческой природы» (Park, Burgess, 1968, p. 1). Применяя биологическую метафору, социологи подчеркивали значение конкуренции, инвазии и сукцессии в данном процессе, а также описывали возможные пути роста населения либо посредством роста рождаемости, либо за счет миграционных притоков.

Краткий анализ теорий в исследовательском поле социологии города демонстрирует сложность структуры данного типа поселения, являющегося «основой всего социального, полем функционирования всех сфер жизнедеятельности, местом сосредоточения

финансов и власти, источником инноваций, духовного и культурного влияния и развития» (Тужба, Чунихина, 2023, с. 78). В контексте исследования социокультурного пространства Москвы как сложной и многомерной системы необходимо также конкретизировать понятие «мегаполис», трактуемое в большинстве случаев как крупное урбанизированное образование с численностью населения свыше одного миллиона человек, выполняющее стратегические функции в национальной и глобальной экономике и содержащее «промышленный, кадровый, инновационный, финансовый потенциал» (Туленкова, 2017, с. 209). Интересно, что в советском энциклопедическом словаре, как и во многих материалах того времени, данное слово не упоминается, зато употребляется понятие «мегалополис» (от греч. *megas*, род. п. *megalu* – большой; *polis* – город) как наиболее крупная форма расселения, образующаяся в результате сращения большого числа соседних городских агломераций³. Термин закрепился в 1960–1970-х гг., в период активного перевода иностранных работ по урбанистике и географии расселения и восходил к эпохе индустриализации и урбанизации XX века. Смысловое наполнение данного понятия предполагает не только физический рост городского пространства и численности населения, но и качественную структурную трансформацию поселения в глобальный узел производства, финансов, науки и коммуникации. Термин был введен в научный оборот в 1957 году французским географом Ж. Готтманом, который понимал под мегалополисом результат сращения нескольких крупных городов и их агломераций (Вершинина, 2019). Ранее это понятие уже использовалось в публицистике и философии для описания города, находящегося на стадии эволюции, предполагающей «экономическую эксплуатацию и духовную атрофию» (Baigent, 2004, p. 689), или как культурно-критический ярлык, обозначающий «монструозный» разросшийся город, символизирующий деградацию цивилизации, схожую

с падением Римской Империи «в симптомах дезорганизации, сопровождающиеся патологическими симптомами насилия и деморализации» (Mumford, 1961, p. 277–278).

Мегаполис выступает не просто как большой город, а как «динамическая система», территориально выходящая за административные границы (Туленкова, 2017); «ментальное образование», формирующее особое сознание и идентичность и аккумулирующее финансово-экономические, политико-административные, социокультурные и семейные аспекты разнообразия, что делает его уникальной средой социального взаимодействия (Ильиных, Табарков, 2016, с. 80).

Начиная с 1960-х гг. наблюдается переход от анализа количественных критериев (численность населения, объем производства) к структурно-функциональным моделям, учитывающим роль города в международных экономических сетях (Новосельцева, 2010). В центр внимания социологов и географов вошли его функциональные роли и сетевые связи. Ключевым стал переход от исследования социокультурного пространства «города как места» к «городу как процессу» и идее смещения акцента в объяснении городских процессов на социальные отношения, отдавшим ведущую роль в качестве силы, формирующей облик города (Костина, 2015, с. 29).

С начала XXI века фокус исследований мегаполисов переместился на его уязвимость, асимметрию и трансформацию под влиянием цифровых технологий. Так, например, С. Сассен подчеркивала трансформацию городов в зоны экстремальной социальной поляризации, создающих условия для феномена «изгнания» (*expulsions*) – жесткой сортировки победителей и проигравших (Sassen, 2010, p. 24). В данном контексте необходимо подчеркнуть, что социокультурное пространство Москвы как ядра Центрально-Российского мегалополиса (ЦРМ) – крупнейшего урбанистического образования России – представляет собой сложную мозаику социальных, этнических,

³ Советский энциклопедический словарь (1987) / главный редактор А.М. Прохоров; редакционная коллегия: А.А. Гусев и др. М.: Советская энциклопедия. С. 777.

экономических и культурных различий, закреплённых в территориальной структуре города. За последние десятилетия советское эгалитарное пространство сменилось поляризованным и сегрегированным на районы процветания, стагнации и маргинализации (Махрова и др., 2016; Вендина и др., 2019). Это создает дополнительные полюса напряжения в социокультурном пространстве столицы. Поэтому актуальным представляется анализ степени дифференцирующего воздействия миграционных статусов жителей Москвы на данное пространство и дальнейшей прикладной задачи разработки системы мероприятий по интеграции пространства столицы, выполняющей особую роль в интеграции пространства страны.

Методы исследования

Для анализа характеристик мигрантов в социокультурном пространстве Москвы необходимо конкретизировать содержание исследуемых понятий. В данной работе мы исходим из понимания того, что внутренняя миграция предполагает перемещение людей внутри одной страны⁴, в то время как внешняя – из одной страны в другую⁵. Таким образом, предметное поле нашего исследования состоит из сравнительного анализа трех групп населения столицы, выделяемых по миграционному статусу: коренных москвичей, внешних и внутренних мигрантов. Возможность такого анализа представилась на основе некоторых результатов конкретного социологического исследования, реализованного среди жителей Москвы в декабре 2023 года исследовательской группой кафедры политического анализа и социально-психологических процессов РЭУ им. Г.В. Плеханова под руководством доктора социологических наук, профессора Е.В. Каргаполовой по апробированной с 2006 года Типовой методике «Социокультурная эволюция России и ее регионов» по 30 регионам страны. Данная программа разработана в Центре изучения

социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФ РАН (руководители на федеральном уровне: член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Н.И. Лапин, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, директор ЦИСИ ИФ РАН Л.А. Беляева) (Лапин, Беляева, 2010).

Метод исследования – онлайн-анкетирование (N = 1070). Тип выборки – целевая. Нашей исследовательской группой уже несколько лет разрабатывается алгоритм реализации онлайн-анкетирования по заданным квотируемым признакам. Половозрастная структура опрошенных респондентов соответствует структуре генеральной совокупности населения Москвы (опрошено 43,2% мужчин и 56,8% женщин; 27,7% молодежи (от 14 до 35 лет включительно), 46,7% взрослых (от 36 до 59 лет включительно), 25,6% пожилых (старше 60 лет). Для обработки полученных данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 26.

Цель работы – исследование социокультурного пространства столичного мегаполиса на основе сравнительного анализа жителей Москвы, дифференцированных по миграционному статусу.

Отметим, что в современной отечественной социологии в фокусе исследовательского интереса находится широкий перечень анализа различных аспектов трудовой (Войнов, 2024; Рязанцев, Рязанцев, 2024; Соколова, Калачикова, 2022), образовательной (Питухин и др., 2023), межрегиональной (Карцева и др., 2021) миграции; эмиграции (Рязанцев, Храмова, 2024); миграционной политики (Рязанцев и др., 2025); восприятия внешних мигрантов в российском обществе (Деханова и др., 2025; Сытых, 2025); взаимосвязи миграционных намерений и миграционной активности (Балабан и др., 2026), миграционных настроений и территориальной идентичности, удовлетворенности жизнью, уверенности в собственном будущем, родительских представлений о возможных миграциях своих детей (Соколова, Калачикова,

⁴ Социологический энциклопедический словарь (1998) / ред. Г.В. Осипов. М.: Норма: ИНФРА. С. 181–182.

⁵ Внешняя миграция также предусматривает деление на иммиграцию и эмиграцию, однако, исходя из специфики проблематики исследования, в данной работе мы сфокусируемся исключительно на иммиграции.

2025). Реализация нашего исследования, эмпирическим объектом которого выступают группы, дифференцированные на основании длительности проживания их представителей в Москве, представляет определенную научную новизну.

Респондентам был задан вопрос «Вы здесь родились или приехали из другого города (села), из другого региона?» Родившиеся в Москве (обозначаемые как коренные москвичи) составили 49,2% опрошенных; приехавшие на постоянную основу из других стран (внешние мигранты) – 6,4%; переехавшие на постоянную основу из других регионов России (внутренние мигранты) – 42,4%. Таким образом, около половины из выборочной совокупности не принадлежат к числу представителей местного сообщества, то есть являются мигрантами.

Результаты исследования

Перейдем к анализу специфики территориально-поселенческой идентичности исследуемых групп, выявленной сопоставлением оценок восприятия представителями коренных москвичей, внешних и внутренних мигрантов степени своей принадлежности к территориальным сообществам (табл. 1). Зафиксированные различия в структуре территориально-поселенческой самоидентификации между исследуемыми группами обусловлены как длительностью проживания в городской среде, так и уровнем интеграции в разные типы территориально-поселенческих сообществ.

Так, для коренных москвичей характерна сравнительно устойчивая локальная идентичность: они чаще всего ощущают принадлежность к жителям своего города и Центрального

Таблица 1. Идентификационные стратегии в зависимости от миграционного статуса, % от числа опрошенных

Варианты ответов респондентов на вопрос «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое – чужое») с такими людьми?»	Группы, разделенные на основании миграционного статуса	Степень близости/отдаленности				
		Свое	Близкое, но не свое	Безразличное	Далекое, но не чужое	Чужое
Жители поселения, в котором я живу	Коренные москвичи	65,5	21,0	10,8	2,1	0,6
	Внешние мигранты	52,2	29,0	10,1	8,7	0,0
	Внутренние мигранты	43,1	34,5	16,0	4,6	1,8
Жители Центрального федерального округа	Коренные москвичи	43,2	30,3	21,2	4,0	1,3
	Внешние мигранты	46,4	26,1	15,9	11,6	0,0
	Внутренние мигранты	39,8	29,5	22,4	6,2	2,1
Жители всей России	Коренные москвичи	43,4	27,5	18,0	8,9	2,2
	Внешние мигранты	49,3	30,4	11,6	8,7	0,0
	Внутренние мигранты	47,0	25,5	18,2	7,5	1,8
Жители республик СССР	Коренные москвичи	22,7	29,2	25,8	12,9	9,4
	Внешние мигранты	47,8	36,2	4,3	10,1	1,6
	Внутренние мигранты	17,1	31,2	29,9	16,3	5,5
Жители всей Земли	Коренные москвичи	18,2	24,4	35,2	13,4	8,7
	Внешние мигранты	36,2	29,0	24,6	8,7	1,5
	Внутренние мигранты	14,5	27,3	31,9	16,7	9,6
Люди в виртуальном пространстве	Коренные москвичи	11,0	17,4	39,8	8,1	23,7
	Внешние мигранты	20,3	14,4	31,9	10,1	23,3
	Внутренние мигранты	7,0	15,2	45,7	9,0	23,1

Примечание: здесь и далее в ячейках таблиц респонденты, выбравшие при ответе на вопрос «Вы здесь родились или приехали из другого города (села), из другого региона?»; вариант ответа «Родился(-ась) в Москве», обозначаются как «коренные москвичи»; вариант ответа «Приехал(-а) сюда на постоянную основу из другой страны» – как «внешние мигранты»; «Приехал(-а) сюда на постоянную основу из другого региона России» – «внутренние мигранты».

Составлено по: результаты исследования.

федерального округа, что может объясняться не только фактом рождения и длительностью проживания в Москве, но и устойчивыми межпоколенческими связями, формирующими ощущение причастности к локальному сообществу. Однако отметим, что однозначно «своими» москвичей считают только 65,5% опрошенных; для каждого пятого москвичи близкие, но не свои, для каждого десятого – безразличны. Эти данные отражают степень атомизации, дистанции «своих» от «своих», то есть москвичей от москвичей. Причиной данного процесса может быть поляризация сообщества по материальному положению, символическому капиталу, культурной и пространственно-культурной рефлексии (Харсеева, 2010). При этом группа демонстрирует высокий уровень дистанции в отношении к более широким в территориальном аспекте общностям, будь то жители бывших республик СССР, глобальное сообщество или люди в виртуальном пространстве. К данным сообществам коренные москвичи ощущают преимущественно безразличие. Таким образом, их укорененность в локальной среде, вероятно, снижает потребность в наднациональной солидарности и универсальных идентификациях, подменяя ее чувством исключительности и автономии в рамках городской идентичности.

Мигранты из других стран демонстрируют наибольшую множественность идентификаций. По сравнению с другими исследуемыми группами они чаще демонстрировали понимание собственной сопричастности к различным сообществам: чаще других воспринимают жителей ЦФО, России, бывших республик СССР и всего мира как «своих», что отражает более открытый, наднациональный или транснациональный тип идентичности и может быть результатом адаптивной стратегии в новой культурной и социальной среде. Более широкая идентификационная карта этой группы указывает на стремление к интеграции в принимающее общество при одновременном сохранении связей с пространством «дома». Одновременно у них заметна высокая степень интегрированности в виртуальное пространство, которое может служить как средством сохранения связи с

«домом», так и ресурсом интеграции в новую культурную среду, компенсируя ограничения, с которыми они сталкиваются в офлайн-пространстве, и выступая, таким образом, инструментом поддержания баланса между собственной этнокультурной принадлежностью и необходимостью интеграции в принимающее общество.

Для внутренних мигрантов (переехавших из других регионов России) свойственна промежуточная позиция: их самоощущение чаще связано с локальной и региональной идентичностью, но при этом нередко сопровождается дистанцией или безразличием к глобальному и виртуальному пространствам. Среди этой группы заметна тенденция к более выраженному прагматизму: они реже склонны включать абстрактные или удаленные категории в «круг своих» и чаще демонстрируют нейтральное или отчужденное отношение, что может отражать неопределенность статуса, адаптационный переход или прагматичную ориентацию на повседневные цели, а не на формирование символической принадлежности.

Соотношение восприятия различных сообществ группами, дифференцированными по миграционному статусу, позволило выявить некоторые аспекты, во многом объясняемые теорией многоуровневой гражданственности. Например, лица, изначально принадлежащие к местному сообществу, чаще других воспринимают москвичей «своими». При этом уже в совокупности с внутренними мигрантами они склонны испытывать безразличие как к жителям России, так и к жителям бывших республик СССР (из которых преимущественно происходят внешние миграционные потоки). Характеризуя социальную идентификацию личности с точки зрения двусторонности этого процесса, предполагающего взаимосвязь внешней идентификации (восприятия себя как части определенной группы) и самоидентификации, мы можем понять существующий дисбаланс в степени восприятия близости как индикатор иерархии символического членства в сообществе, при которой местные признаются «полноценными своими», а приезжие – «безликими» и «безразличными».

Мы также наблюдаем проявление нового номадизма в «плюралистичности» идентичности внешних мигрантов, подразумевающей делокализацию сообществ принадлежности. Это позволяет приезжим из других стран сохранить изначальную социокультурную идентичность и одновременно с этим интегрироваться в новую социокультурную среду. Более того, черты номада прослеживаются и в обособлении внутренних мигрантов от большинства предложенных идентификационных сообществ, что, в определенной степени, характеризует утрату чувства дома, отсутствие укорененности в физическом и социальном пространстве, фрагментарность, контекстуальность идентичности внутренних мигрантов.

Структура доверительных и межличностных связей, продемонстрированная тремя исследуемыми группами, напрямую связана с уровнем укорененности в городской среде и особенностями адаптационного опыта (табл. 2). Так, для подавляющей части родившихся в Москве наиболее значимыми источниками взаимопонимания выступают семья (хотя доля все же ниже, чем у приезжих из других стран и внутренних мигрантов) и друзья, что объясняется продолжительной историей проживания, вле-

кущей за собой формирование устойчивых социальных контактов и отсутствие потребности в поиске сторонних сетей поддержки. Исследование этой группы позволило выявить низкий уровень взаимопонимания с соседями, единоверцами, а также людьми одной национальности. Примечательно также, что в этой группе сравнительно высока доля тех, кто вообще не чувствует взаимопонимания с представленными группами или затрудняется ответить. Это указывает на более ограниченный круг доверительных контактов, сосредоточенных в первую очередь в семье и дружеском окружении, а также индивидуализированный характер городской среды, в которой взаимодействие происходит преимущественно в приватной или профессиональной сфере.

Переехавшим из других стран (внешним мигрантам) свойственна самая высокая степень вовлеченности в семейное общение. Также для них имеет значение коммуникация в кругу единоверцев и среди людей одной национальности. Это может отражать роль этноконфессиональной солидарности как механизма социальной адаптации. В то же время взаимопонимание с друзьями реже, чем в других группах. Такое распределение можно интерпретировать в контексте выстраивания приезжими горизонтальных миграционных сетей, способствующих включению в социальное пространство города. Поддержка и признание внутри этноконфессионального круга формируют пространство символической принадлежности. Это доступная форма интеграции, позволяющая сгладить ограничения в доступе к институциональным формам включенности для приезжих из других стран.

Переехавшие из других регионов России (внутренние мигранты) характеризуются высоким уровнем взаимопонимания в семье, среди друзей, а также лидируют в качестве отношений с рабочим коллективом. Оценка коммуникации с единоверцами и людьми одной национальности, а также доля отмечающих хорошее взаимопонимание с соседями практически эквивалентна низкой оценке коренных москвичей. Указанные значения

Таблица 2. Круги (межличностные сети) взаимопонимания в зависимости от миграционного статуса, % от числа опрошенных

Варианты ответов респондентов на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?»	Коренные москвичи	Внешние мигранты	Внутренние мигранты	Итого
В семье	81,3	92,8	87,5	84,7
В компании друзей	63,6	55,1	63,1	62,8
На работе	25,8	24,6	27,5	26,4
Среди соседей	8,3	18,8	11,0	10,2
В кругу единоверцев	8,3	21,7	9,5	9,7
Среди людей моей национальности	7,0	18,8	6,2	7,4
Затрудняюсь ответить	3,6	1,4	1,5	2,6
Нигде	2,3	0,0	0,4	1,3
Примечание: поливариантный выбор. Составлено по: результаты исследования.				

могут быть индикаторами стратегии адаптации, в которой профессиональные связи и ближайшее окружение становятся основой социальной интеграции. При этом относительно невысокий уровень вовлеченности в конфессиональные и этнические группы объясняется меньшей потребностью в этнокультурной поддержке в условиях сохранения социокультурной, экономической и политической общности с местным населением.

Таким образом, во всех группах семья остается основным пространством взаимопонимания, однако для мигрантов из других стран дополнительно значимы религиозная и этническая общности, что отражает их роль в качестве компенсаторного механизма для «пришлых». У москвичей и внутренних мигрантов структура более «светская» и во многом ограничена ближним кругом и межличностной коммуникацией. В целом распределение оценок взаимопонимания является следствием либо потребности в адаптации к принимающему сообществу, либо причиной миграции (как мы упоминали ранее, качество социального капитала может выступать значимым фактором детерминантой миграции). Более того, мы можем видеть, что в сравнении с коренными москвичами и приезжими из регионов России у внешних мигрантов больший «объем» инклюзивного социального капитала. Это, с одной стороны, обеспечивает высокий уровень доверия внутри группы, предоставляя ей необходимую поддержку в кризисных ситуациях – помощь в поисках жилья, работы, адаптации в первые месяцы. С другой стороны, может приводить к изоляции, жизни «в гетто» или «этнических анклавах», а также ослаблять интеграцию в «широкое» сообщество. Также акцент на плотные семейные и межэтнические связи в определенной степени обеспечивает мигрантов «ресурсами» для выстраивания сети, создавшей для них возможность обосноваться в стане назначения и уже самим выступать в роли связующего звена между страной-донором и принимаемым сообществом. Таким образом, данная структура ответов респондентов, переехавших из

другого государства, может информировать о сформировавшихся в Москве устойчивых миграционных сетях.

Перейдем к результатам исследования приоритетных сфер жизненных интересов, позволяющим с должной степенью вероятности определить социальные ориентиры, преобладающие у групп с разным миграционным опытом (табл. 3). Для коренных москвичей характерно сочетание приоритета семьи с выраженной значимостью профессиональной самореализации, что отражает укорененность в социальном пространстве города и восприятие труда как важного элемента социальной идентичности. Также важным для коренного населения является учеба, образование, повышение квалификации. Для внешних мигрантов из трех групп главными являются семья и домашняя сфера, тогда как профессиональная деятельность и образовательные траектории играют второстепенную роль, что следует из рекордно низкого числа отметивших

Таблица 3. Жизненные приоритеты у групп с разным миграционным статусом, % от числа опрошенных

Варианты ответов респондентов на вопрос «В какой области находятся Ваши главные интересы?»	Коренные москвичи	Внешние мигранты	Внутренние мигранты	Итого
Мои главные интересы в семье и доме	48,5	66,7	55,7	52,9
Мои главные интересы связаны прежде всего с моей работой	18,0	11,6	13,7	15,7
Главное дело – обеспечить приличный заработок	9,8	7,2	11,5	10,3
Главные интересы в области учебы, образования, повышения квалификации	10,2	1,4	9,0	9,1
Для меня самое важное – это общение с определенным кругом людей	7,2	5,8	5,6	6,4
Для меня главное – мои духовные интересы, культура	6,3	7,3	4,5	5,6
Составлено по: результаты исследования.				

области учебы, образования, повышения квалификации в качестве жизненного приоритета. Такое распределение отражает стратегию опоры на близкий круг и этноконфессиональные сети, компенсирующие отсутствие глубокой включенности в городскую общность. Внутренние мигранты из регионов России занимают промежуточное положение в значении семьи и дома. Как сфера приоритетов она для них важнее, чем для коренных москвичей, но не достигает того значения, как для внешних мигрантов.

В результате формируется особая модель интересов: семья выступает универсальным приоритетом для всех трех групп, однако ее значение варьируется в зависимости от сочетания с профессиональной сферой. Для коренных москвичей важнее всего ориентация на профессиональную сферу, а семья имеет меньшее значение в сравнении с внешними и внутренними мигрантами. Это может выражать степень упадка института семьи в столичном городе, социальное пространство которого предполагает рационализацию отношений. Также это отражает уклад жизни, при котором трудовая сфера воспринимается не только как источник дохода, но и как важная часть социальной идентичности и статуса вследствие длительного проживания в большом городе как социальной среды формализации всех отношений. Внешние мигранты больше всего концентрируются на семье как источнике

устойчивости, связывающего социальный капитал и оказывающего влияние на низкую степень заинтересованности в сферах, требующих большей интеграции в локальное сообщество. Внутренние мигранты наименее устойчивы, так как меньше внешних опираются на семью, а также на профессиональную сферу, по сравнению с коренными москвичами, акцентируя заработок как способ социальной адаптации. Это отражает их стремление не только сохранить семейную опору, но и интегрироваться в новую среду на выгодных условиях через трудовую занятость и локальные социальные связи. Таким образом, внутренние мигранты демонстрируют модель интересов, в которой приоритет семьи сочетается с ориентацией на адаптацию и закрепление в городской жизни. Слабая выраженность интереса к определенному кругу людей во всех группах указывает на отсутствие потребности в дополнительной символической опоре на территорию. Также отметим во всех трех группах низкие значения приоритетности собственных духовных интересов, культуры, что подтверждает мнения исследователей о духовной атрофии, деморализации социокультурного пространства мегаполиса.

Тенденции деморализации проявляются и в системе ценностных ориентиров респондентов⁶. Так, только у внешних мигрантов в интегрирующем ядре ценностей оказались жизнь человека и семья (табл. 4),

⁶ Исследование системы ценностей проведено на основе методики Н.И. Лапина, содержащей 14 базовых ценностей, которые в зависимости от степени поддержки респондентами располагаются по кластерам – интегрирующему и дифференцирующему. Интеграция рассматривается как основная функция базовых ценностей, а функция дифференциации, основывающаяся на меньшей части базовых ценностей, направлена на сохранение и изменение структуры статусов и ролей. «Включение ценностей в один из этих кластеров определяется уровнем их поддержки или отрицания населением. Интегрирующий кластер включает два иерархически расположенных слоя ценностей, разделенных значительным интервалом. Верхний слой представляет собой интегрирующее ядро, которое консолидирует свыше 60% населения, а его состав может изменяться за счет резерва... Интегрирующий резерв расположен ниже ядра и включает ценности, которые консолидируют 45–60% населения; по мере эволюции ценностного пространства большого общества или регионального сообщества они могут изменять свое положение внутри данного слоя, подниматься в ядро или опускаться в дифференцирующий кластер. Дифференцирующий кластер также включает два иерархически расположенных слоя ценностей. Две из них составляют так называемый оппозирующий дифференциал: они имеют поддержку явно меньшей части населения (30–45%), наиболее поддерживаемые из них могут переместиться в интегрирующий резерв; в свою очередь, наименее поддерживаемые ценности резерва могут перемещаться в дифференциал. Нижний слой дифференцирующего кластера представляет собой антипод интегрирующего ядра (анти-ядро):... это... конфликтотенная периферия, ценности которой поддерживает менее 30% населения» (более подробно см.: Лапин, 2010, с. 30–31).

Таблица 4. Ценностные ориентиры респондентов с различным миграционным статусом (средневзвешенные балльные оценки)

Кластер	Коренные москвичи		Внешние мигранты		Внутренние мигранты	
	Ценность	Балл	Ценность	Балл	Ценность	Балл
1. Интегрирующий кластер ценностей						
Интегрирующее ядро (свыше 8,8 балла)			Жизнь человека	9,27		
			Семья	9,02		
Интегрирующий резерв (7,81–8,79 балла)	Жизнь человека	8,61			Жизнь человека	8,80
	Порядок	8,53	Общительность	8,75	Порядок	8,71
	Общительность	8,05	Благополучие	8,66	Независимость	8,38
	Независимость	7,97	Порядок	8,43	Общительность	8,25
	Свобода	7,91	Свобода	7,98	Благополучие	7,99
	Благополучие	7,85	Работа	7,92	Семья	7,96
	Жизнь человека	8,61	Независимость	7,87	Свобода	7,91
2. Дифференцирующий кластер ценностей						
Оппонирующий дифференциал (6,0–7,80 балла)	Работа	7,68	Традиция	7,57	Работа	7,48
	Семья	7,28	Жертвенность	7,19	Традиция	7,05
	Инициативность	7,03	Нравственность	7,18	Инициативность	6,80
	Нравственность	6,76	Инициативность	7,00	Нравственность	6,62
	Традиция	6,63				
	Жертвенность	6,06				
Конфликтогенная периферия (5,99 балла и меньше)	Властность	4,17	Своевольность	3,81	Жертвенность	5,75
	Своевольность	3,95	Властность	3,52	Властность	3,76
					Своевольность	3,49
Средний балл поддержки базовых ценностей	7,03		7,44		7,07	
Составлено по: результаты исследования.						

в свою очередь у коренных москвичей и внутренних мигрантов ценность жизни человека находится в интегрирующем резерве, хотя и на первом месте по степени поддержки. В наименьшей степени данную ценность поддерживают коренные москвичи. Значимость семьи находится у внутренних мигрантов в интегрирующем резерве, а у коренных москвичей – в оппонирующем дифференциале ценностей.

Первостепенность семьи для внешних мигрантов согласуется с выдвинутым ранее предположением о специфике их инклюзивного социального капитала, предполагающего приоритет семейных и этноконфессиональных критериев при оценке значимости. Таким образом, доминирование в структуре ценности жизни человека в совокупности

с важностью семьи у внешних мигрантов приобретает коллективистское наполнение: в сообществах, основанных на сильных горизонтальных связях, жизнь человека может пониматься не столько личным, сколько общественным ресурсом, частью коммунитарного социального капитала (Ledogar, Fleming, 2008). Можно предположить, что в условиях ощущения институциональной незащищенности жизнь понимается как часть ресурса, обеспечивающего сохранение связей и чувства принадлежности.

Положение семьи в структуре ценностей у россиян (коренных москвичей и внутренних мигрантов) подтверждает степень кризиса института семьи в урбанизированных сообществах, наиболее выраженную в атомизированном социокультурном простран-

стве мегаполиса. При этом в отсутствие у коренных москвичей и внутренних мигрантов ценностного содержания интегрирующего ядра ценность порядка в комплексе с ценностью жизни человека может рассматриваться как ценностный «базис». В контексте дихотомии «индивидуальные – групповые права», а также тенденции рационализации жизни в сложно организованном городском пространстве, это демонстрирует принадлежность коренных москвичей и внутренних мигрантов к сообществу атомизированного городского мира, в котором разнообразие социальных отношений ведет к обособлению индивида от «группы, от единообразия с ее членами и тесных связей с ней» (Баценкова, 2019).

Общительность находится у всех трех групп в интегрирующем резерве и более всего поддерживается внешними мигрантами, менее всего – коренными москвичами. Данные показатели можно трактовать как стремление мигрантов к снижению транзакционных издержек институциональной среды принимающего общества за счет широты сетей межличностных коммуникаций, способствующих более быстрой и успешной интеграции, а также исходя из представлений о том, что разнообразие социальных связей является фактором успешной миграции.

Ценность порядка также находится в интегрирующем резерве, но в наибольшей степени разделяется внутренними, а в наименьшей – внешними мигрантами. В интегрирующем резерве у всех трех групп также располагаются независимость, свобода и благополучие. Независимость в большей степени поддерживается внутренними, а в меньшей – внешними мигрантами; благополучие: наибольшее – внешними мигрантами, наименьшее – коренными москвичами. Ценность работы у внешних мигрантов относится к интегрирующему резерву, а у коренных москвичей и внутренних мигрантов – к оппозирующему дифференциалу; причем в наименьшей степени она поддерживается россиянами, переехавшими в столицу из других регионов России.

В оппозирующем дифференциале у всех трех групп находятся ценности инициативности, традиции и нравственности. Инициативность в наименьшей степени разделяется внутренними мигрантами. Ценности нравственности и традиции наиболее поддерживаются внешними мигрантами, причем традиция значительно больше, чем у коренных москвичей и внутренних мигрантов. Менее всего ценность традиции разделяется коренными москвичами, тогда как ценность нравственности – внутренними мигрантами.

Также значительно больше внешние мигранты поддерживают ценность жертвенности, тогда как у внутренних мигрантов она находится в конфликтогенной периферии. В ней у всех трех групп находятся ценности властности и своевольности. Причем властность (также как и своевольность) более всего разделяется коренными москвичами, менее всего – внешними мигрантами. С одной стороны, это можно трактовать как закономерное следствие высокой степени институциональной укорененности москвичей в столичном городском пространстве, создающей условия для удовлетворения базовых потребностей и перехода на уровень, на котором власть становится средством достижения признания и уважения. С другой, если рассматривать власть как инструмент достижения цели, то склонность москвичей к этой ценности может быть также объяснена их высокой степенью вовлеченности в инструментализированное и формализованное пространство Москвы. Своевольность в наименьшей степени поддерживается внутренними мигрантами.

Ожидаемо, что средний балл поддержки базовых ценностей выше у внешних мигрантов.

Выводы

Таким образом, обобщая результаты анализа жителей Москвы, дифференцированных по миграционному статусу, мы получаем следующие социокультурные портреты их представителей.

Типичным представителем коренных москвичей является человек с ярко выраженной локальной идентичностью при нейтральном отношении к глобальным сообществам. Социальные связи ограничены кругом семьи и друзей. При этом доверие невысокое, что выходит за рамки близкого межличностного взаимодействия. Жизненные приоритеты сосредоточены на семье и профессиональной самореализации. В структуре ценностей жизнь человека находится в интегрирующем резерве, а семья – в оппозирующем дифференциале. Для данной группы наиболее поддерживаемыми являются ценности порядка, независимости и благополучия. Ценности традиции и нравственности выражены слабо, а власть и своеволие – сильнее, чем у других групп.

Типичному представителю группы внешних мигрантов характерен множественный характер идентичности, предполагающий стремление к сохранению связи с прежней культурной общностью и параллельному выстраиванию связей с глобальным сообществом, при этом привязанность к московскому локальному пространству выражена слабее. Основными каналами социальной поддержки выступают семья и этноконфессиональные сети. Жизненным приоритетом остается семья, а интерес к карьерным достижениям и образованию сравнительно невысокий. В ценностной структуре внешних

мигрантов жизнь человека и семья входят в интегрирующее ядро. Кроме того, высоко поддерживаются ценности нравственности, традиции, жертвенности и общительности. Менее значимыми являются ценности независимости, порядка и власти. Работа занимает место в интегрирующем резерве, тогда как инициативность – в оппозирующем дифференциале.

Типичным представителем группы внутренних мигрантов является человек со сравнительно слабой глобальной идентичностью. Социальные связи включают не только семью и друзей, но и рабочие коллективы. В приоритетах доминируют семья и материальное благополучие. В системе ценностей жизнь человека и семья располагаются в интегрирующем резерве, а порядок занимает наиболее устойчивое положение. В этой группе выше других поддерживаются ценности независимости и свободы, тогда как традиция и нравственность наименее выражены. Жертвенность занимает место в конфликтогенной периферии.

В целом выявленные различия отражают влияние длительности проживания в Москве, характера социальной среды и степени включенности в городское пространство на ценностные ориентации и приоритеты представителей различных миграционных групп в столичном социокультурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

- Балабан М.О., Корж П.А., Родина О.А., Шарепина Е.А. (2026) Профессия мигрант: как опыт пространственной мобильности определяет намерения на переезд? // Демографическое обозрение. Т. 13. № 1. С. 102–130. DOI: 10.17323/demreview.v13i1.33720
- Баньковская С.П. (2006). Миграция, свобода и гражданство: парадоксы маргинализации // Полис. № 4. С. 120–126. DOI: 10.17976/jpps/2006.04
- Баценкова А.А. (2019) Методологическая значимость работ Г. Зиммеля для понимания современной теории индивидуализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Вып. 19. № 3. С. 284–288. DOI:10.18500/1818-9601-2019-19-3-284-288
- Бурдые П. (2002). Формы капитала / пер. М.С. Добряковой; науч. ред. В.В. Радаев // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74. DOI: 10.17323/1726-3247-2002-5-60-74
- Вальдес Одриосола М.С. (2014). Эволюция социологических теорий города XIX–XX вв. // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 319–325.
- Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. (2019). Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 3–17. DOI: 10.31857/S2587-5566201963-17

- Вершинина И.А. (2019). Концепция мегалополиса Жана Готтмана // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. Т. 25. № 3. С. 36–48.
- Войнов С.М. (2024) Внешняя трудовая миграция и ее влияние на демографическую структуру на примере регионов Дальневосточного федерального округа // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. № 3. С. 164–180. DOI: 10.26653/2076-4685-2024-03-18
- Деханова Н.Г., Леденева В.Ю., Сушко В.А. (2025) Внешняя миграция и социальные стереотипы россиян: социологический анализ общественного восприятия миграционных процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 18. № 2. С. 215–228.
- Зиммель Г. (2002). Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3–4 (34). С. 1–12.
- Ильиных С.А., Табарков А.В. (2016). Мегapolis как объект социологического исследования // Дискуссия. № 3 (66). С. 80–85.
- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2021) Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4 (52). С. 162–180. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7
- Костина А.О. (2015). Сравнительный анализ концепций городского пространства А. Лефера и М. Кастельса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 2. С. 28–31.
- Лапин Н.И. (2010) Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. № 1. С. 28–36.
- Лапин Н.И., Беляева Л.П. (2010) Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России». Москва: ИФ РАН. 135 с.
- Луков В.А., Тихомиров Д.А. (2019). Чикагская социологическая школа: начало качественной стратегии в эмпирической социологии // Горизонты гуманитарного знания. № 1. С. 89–107. DOI: 10.17805/ggz.2019.1.5
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 2. Москва: Государственное издательство политической литературы. 651 с.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2016). Поляризация пространства Центрально-Российского мегалополиса и мобильность населения // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 77–85.
- Новосельцева А.С. (2010). Эволюция подходов к оценке роли мегалополисов в системе мирового хозяйства // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. № 3 (1). С. 167–172.
- Парк Р.Э. (2011). Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки: сб. переводов. Москва: ИНИОН РАН. С. 19–56.
- Питухин Е.А., Зятева О.А., Щеголева Л.В., Соколов В.Е. (2023) Образовательная миграция в регионах России: статистический подход // Высшее образование в России. Т. 32. № 8–9. С. 48–69. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69
- Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. (2025) Миграционная политика в этнонациональных регионах Сибири: вызовы и перспективы // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 5. № 4. С. 70–96. DOI: 10.19181/demis.2025.5.4.5
- Рязанцев С.В., Рязанцев Н.С. (2024) Миграция «цифровых кочевников» глобальные тренды и позиции стран // Мировая экономика и международные отношения. Т. 68. № 2. С. 116–126. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126
- Рязанцев С.В., Храмова М.Н. (2024) Русскоязычная миграция в Латинскую Америку: новые тренды // Социологические исследования. № 4. С. 101–112. DOI: 10.31857/S0132162524040091
- Соколова А.А., Калачикова О.Н. (2022) Маятниковая миграция: концептуальные проблемы измерения // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1 (68). С. 52–66. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-1-52-66
- Соколова А.А., Калачикова О.Н. (2025) Территориальная идентичность и миграционные настроения жителей Вологодской области // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 5. № 2. С. 138–156. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.9
- Сытых О.Л. (2025) Миграция в контексте конфронтации и диалога культур // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2025. Т. 1. № 14. С. 358–366.

- Теннис Ф. (2002). *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии* / пер. с нем. Д.В. Складнева. Москва: Фонд Университет; Санкт-Петербург: Владимир Даль. 450 с.
- Тужба Э.Н., Чунихина Т. Н. (2023). Чикагская школа американской урбанистики // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 12. С. 78–82.
- Туленкова Л.И. (2017). Мегалополис: понятие и факторы развития // *Экономика и бизнес: теория и практика*. № 11. С. 209–212.
- Харсеева Н.В. (2010) Проблема разрушения Москвы как социокультурного организма // *Теория и практика общественного развития*. № 4. С. 82–83.
- Шкрабтак Н.В., Зинченко М.В., Григорьева В.З., Пеков Д.Б. (2021). Трансформация глобальной миграции: монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 116 с.
- Baigent E. (2004). Patrick Geddes, Lewis Mumford and Jean Gottmann: Divisions over 'megalopolis'. *Progress in Human Geography*, 28(6), 687–700. DOI: 10.1191/0309132504ph5140a
- Garip F. (2008). Social capital and migration: How do similar resources lead to divergent outcomes? *Demography*, 45(3), 591–617. DOI: 10.1353/dem.0.0016
- Klug C., Kracke N. (2021). Social capital and its effect on labour market (mis)match: Migrants overqualification in Germany. *Journal of International Migration and Integration*, 22, 1573–1598. DOI: 10.1007/s12134-021-00816-2
- Kuzmin K., Petrova L., Popov D. (2015). Migration and social distance. *International Dialogues on Education*, 2(3), 6–16.
- Ledogar R.J., Fleming J. (2008). Social capital and resilience: A review of concepts and selected literature relevant to aboriginal youth resilience research. *Pimatisiwin*, 6(2), 25–46.
- Light I., Bhachu P.K., Karageorgis S. (1989). Migration networks and immigrant entrepreneurship. *California Immigrants in World Perspective: Conference Papers*, 5, 25–50.
- Massey D.S. (1988). Economic development and international migration in comparative perspective. *Population and Development Review*, 14(3), 383–413. DOI: 10.2307/1972195
- Mumford L. (1961). *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. London: Secker and Warburg.
- Park R.E., Burgess E.W. (1968). *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago: University of Chicago Press.
- Putnam R.D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Sassen S. (2010). A savage sorting of winners and losers: Contemporary versions of primitive accumulation. *Globalizations*, 7(1-2), 23–50. DOI: 10.1080/14747731003593091
- Schneider J., Crul M. (2010). Comparative integration context theory: Participation and belonging in new diverse European cities. *Ethnic and Racial Studies*, 33(7), 1249–1268. DOI: 10.1080/01419871003615352
- Wark C., Galliher J.F. (2007). Emory Bogardus and the origins of the social distance scale. *American Sociologist*, 38(4), 383–395. DOI: 10.1007/s12108-007-9023-9
- Zhang X. et al. (2024) The impact of social capital on migrants' social integration: Evidence from China. *Sustainability*, 16(13), 5564. DOI: 10.3390/su16135564

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Екатерина Владимировна Каргаполова – доктор социологических наук, доцент, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: k474671@list.ru)

Арина Сергеевна Диканова – студент-магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 11; e-mail: arina.dikanova@mail.ru)

Kargapolova E.V., Dikanova A.S.

MIGRANT IN SOCIO-CULTURAL SPACE OF METROPOLIS

The socio-cultural space of modern times is evolving in the direction of increasing complexity, differentiation, contradictoriness, and dynamism. One of the factors transforming this space is migration processes. At the same time, the capital metropolis of Moscow is a complex organism in which migration flows can create additional tensions in the socio-cultural space along the “us vs them” axis. The aim of this study is to analyze the sociocultural space of the capital of Russia through the lens of differentiating its residents by their migration status. Based on the results of a specific socio-logical study conducted using the questionnaire method in accordance with the Standard Methodology of the All-Russian Research Program “Socio-cultural Evolution of Russia and Its Regions”, a comparative analysis was carried out of the profile of territorial and settlement identity, circles of mutual understanding, life priorities, and value orientations of three groups of Moscow residents: native Muscovites, internal migrants, and external migrants. The research findings revealed significant differences in the nature of engagement with the socio-cultural space of the metropolis. Native Muscovites demonstrate a pronounced local identity, limited social connections, and an individualistic orientation. Internal migrants are characterized by pragmatic attitudes, a focus on the labor market and material well-being, and a weak local identity. External migrants have a multiple identity and a well-developed system of ethno-confessional and family ties, which determine the collectivist nature of their value orientations. Thus, migration status is a significant factor in the differentiation of Moscow’s socio-cultural space, as measured by such indicators as identification strategies, interpersonal networks of mutual understanding, and respondents’ value orientations. The research results have practical significance, as they can be useful to authorities in developing targeted management decisions related to the integration of the capital’s sociocultural space based on residents’ migration status.

Migrant, migration, socio-cultural space, metropolis, capital metropolis.

REFERENCES

- Baigent E. (2004). Patrick Geddes, Lewis Mumford and Jean Gottmann: Divisions over ‘megapolis’. *Progress in Human Geography*, 28(6), 687–700. DOI: 10.1191/0309132504ph514oa
- Balaban M.O., Korzh P.A., Rodina O.A., Sharepina E.A. (2026). The profession of a migrant: How does the experience of spatial mobility shape intentions to move? *Demograficheskoe obozrenie*, 13(1), 102–130. DOI: 10.17323/demreview.v13i1.33720 (in Russian).
- Ban’kovskaya S.P. (2006). Migration, freedom, and citizenship: The paradoxes of marginalization. *Polis*, 4, 120–126. DOI: 10.17976/jpps/2006.04 (in Russian).
- Batsenkova A.A. (2019) The methodological significance of G. Simmel’s works for understanding the modern theory of individualization. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya*, 19(3), 284–288. DOI:10.18500/1818-9601-2019-19-3-284-288 (in Russian).
- Bourdieu P. (2002). The forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 3(5), 60–74. DOI: 10.17323/1726-3247-2002-5-60-74 (in Russian).
- Dekhanova N.G., Ledeneva V.Yu., Sushko V.A. (2025) External migration and social stereotypes of Russians: Sociological analysis of public perception of migration processes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, 18(2), 215–228 (in Russian).
- Garip F. (2008). Social capital and migration: How do similar resources lead to divergent outcomes? *Demography*, 45(3), 591–617. DOI: 10.1353/dem.0.0016
- Il’inykh S.A., Tabarkov A.V. (2016). The metropolis as an object of sociological research. *Diskussiya*, 3(66), 80–85 (in Russian).
- Kartseva M.A., Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2021) Interregional migration of young people in Russia and the development of life strategies. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 4(52), 162–180. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7 (in Russian).

- Kharseeva N.V. (2010) The problem of the destruction of Moscow as a sociocultural organism. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 4, 82–83 (in Russian).
- Klug C., Kracke N. (2021). Social capital and its effect on labour market (mis)match: Migrants overqualification in Germany. *Journal of International Migration and Integration*, 22, 1573–1598. DOI: 10.1007/s12134-021-00816-2
- Kostina A.O. (2015). A comparative analysis of the concepts of urban space by A. Lefebvre and M. Castells. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2, 28–31 (in Russian).
- Kuzmin K., Petrova L., Popov D. (2015). Migration and social distance. *International Dialogues on Education*, 2(3), 6–16.
- Lapin N.I. (2010) Functionally oriented clusters of basic values of the population of Russia and its regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1, 28–36 (in Russian).
- Lapin N.I., Belyaeva L.P. (2010). *Programma i tipovoi instrumentarii "Sotsiokul'turnyi portret regiona Rossii"* [The Program and Standard Toolkit "Socio-Cultural Portrait of a Region of Russia"]. Moscow: IF RAN.
- Ledogar R.J., Fleming J. (2008). Social capital and resilience: A review of concepts and selected literature relevant to aboriginal youth resilience research. *Pimatisiwin*, 6(2), 25–46.
- Light I., Bhachu P.K., Karageorgis S. (1989). Migration networks and immigrant entrepreneurship. *California Immigrants in World Perspective: Conference Papers*, 5, 25–50.
- Lukov V.A., Tikhomirov D.A. (2019). The Chicago School of Sociology: The beginning of the qualitative strategy in empirical sociology. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 1, 89–107. DOI: 10.17805/ggz.2019.1.5 (in Russian).
- Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. (2016). The polarization of the space of the Central Russian megapolis and population mobility. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 5, 77–85 (in Russian).
- Marx K., Engels F. (1955). *Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. T. 2* [Works: In 50 Volumes. 2nd Edition. Volume 2]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Massey D.S. (1988). Economic development and international migration in comparative perspective. *Population and Development Review*, 14(3), 383–413. DOI: 10.2307/1972195
- Mumford L. (1961). *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. London: Secker and Warburg.
- Novosel'tseva A.S. (2010). The evolution of approaches to assessing the role of megacities in the global economy system. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 3(1), 167–172 (in Russian).
- Park R.E. (2011). City: Proposals for studying human behavior in an urban environment. In: *Izbrannye ocherki: sb. perevodov* [Selected Essays: Collection of Translations]. Moscow: INION RAN (in Russian).
- Park R.E., Burgess E.W. (1968). *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago: University of Chicago Press.
- Pitukhin E.A., Zyateva O.A., Shchegoleva L.V., Sokolov V.E. (2023) Educational migration in the regions of Russia: Statistical approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*, 32(8-9), 48–69. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69 (in Russian).
- Putnam R.D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Ryazantsev S.V., Khramova M.N. (2024) Russian-speaking migration to Latin America: New trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 4, 101–112. DOI: 10.31857/S0132162524040091 (in Russian).
- Ryazantsev S.V., Ryazantsev N.S. (2024) The migration of "digital nomads": Global trends and the positions of countries. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 68(2), 116–126. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126 (in Russian).
- Ryazantsev S.V., Vazirov Z.K., Garibova F.M. (2025) Migration policy in the ethno-national regions of Siberia: Challenges and prospects. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*, 5(4), 70–96. DOI: 10.19181/demis.2025.5.4.5 (in Russian).
- Sassen S. (2010). A savage sorting of winners and losers: Contemporary versions of primitive accumulation. *Globalizations*, 7(1-2), 23–50. DOI: 10.1080/14747731003593091

- Schneider J., Crul M. (2010). Comparative integration context theory: Participation and belonging in new diverse European cities. *Ethnic and Racial Studies*, 33(7), 1249–1268. DOI: 10.1080/01419871003615352
- Shkrabtak N.V., Zinchenko M.V., Grigor'eva V.Z., Pekov D.B. (2021). *Transformatsiya global'noi migratsii: monografiya* [The Transformation of Global Migration: Monograph]. Blagoveshchensk: Amurskii gos. un-t.
- Sokolova A.A., Kalachikova O.N. (2022). Circular migration: Conceptual measurement problems. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*, 1(68), 52–66. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-1-52-66 (in Russian).
- Sokolova A.A., Kalachikova O.N. (2025). Territorial identity and migration intentions of the Vologda Region residents. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*, 5(2), 138–156. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.9 (in Russian).
- Sytykh O.L. (2025). Migration in the context of confrontation and cultural dialogue. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve*, 1(14), 358–366 (in Russian).
- Tennis F. (2002). *Obshchnost' i obshchestvo: Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii* [Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology]. Moscow: Fond Universitet; Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'.
- Tulenkova L.I. (2017). Megalopolis: Concept and factors of development. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 11, 209–212 (in Russian).
- Tuzhba E.N., Chunikhina T.N. (2023). The Chicago School of American urban studies. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 12, 78–82 (in Russian).
- Valdes Odriolsola M.S. (2014). The evolution of sociological theories of the city in the 19th–20th centuries. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 319–325 (in Russian).
- Vendina O.I., Panin A.N., Tikunov V.S. (2019). The social space of Moscow: Features and structure. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 6, 3–17. DOI: 10.31857/S2587-5566201963-17 (in Russian).
- Vershina I.A. (2019). Jean Gottmann's concept of the megalopolis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 25(3), 36–48 (in Russian).
- Voinov S.M. (2024) External labor migration and its impact on the demographic structure: Case study of the regions of the Far Eastern Federal District. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 3, 164–180. DOI: 10.26653/2076-4685-2024-03-18 (in Russian).
- Wark C., Galliher J.F. (2007). Emory Bogardus and the origins of the social distance scale. *American Sociologist*, 38(4), 383–395. DOI: 10.1007/s12108-007-9023-9
- Zhang X. et al. (2024) The impact of social capital on migrants' social integration: Evidence from China. *Sustainability*, 16(13), 5564. DOI: 10.3390/su16135564
- Zimmel' G. (2002). Large cities and spiritual life. *Logos*, 3–4(34), 1–12 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Kargapolova – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: k474671@list.ru)

Arina S. Dikanova – master degree student, National Research University “Higher School of Economics” (11, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: arina.dikanova@mail.ru)